

ОДИН ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПУШКИНСКОЙ «МЕТЕЛИ»

О литературных источниках «Метели», как и обо всех «Повестях Белкина», существует большая литература. Почти все, кто касался в своих трудах анализа этой повести Пушкина, так или иначе затрагивали вопрос о ее источниках. К литературным предшественникам Пушкина, оказавшим влияние на формирование сюжета его повести, относили новеллу Вашингтона Ирвинга «Жених-призрак» (1820), которая рядом своих сюжетных мотивов восходит к фольклорной традиции — балладе о мертвом женихе, обработанной Бюргером и хорошо известной в России благодаря переводу Жуковского.¹ Отсюда тянутся нити не только к «Леноре» и «Людмиле» Жуковского, но и к его «Светлане» с ее атмосферой зимней ночи, вьюги, метели и туманного, таинственного ореола, который окутывает все происходящее.² Л. Е. Вольперт среди источников сюжета «Метели» указывает на комедию Нивелея де Лашоссе «Ложная антипатия» (1733), в которой разлученные после венчания супруги встречаются через много лет и влюбляются друг в друга, не зная, что они муж и жена.³ При этом Л. Е. Вольперт отметила, что мотив «опознавания супругами друг друга», известный «со времен мифо-поэтической традиции, „паллиаты” и античного романа, связывался, как правило, с представлением брака по любви, вынужденной длительной разлуки, с поисками друг друга и заключительным „узнаванием”».⁴

К источникам сюжета «Метели» относили и русские повести, печатавшиеся в журналах, например «Кто бы это предви-

¹ См.: Берковский Н. Я. О «Повестях Белкина» // Берковский Н. О русской литературе: Сб. статей. Л., 1985. С. 50—54.

² На связь с сюжетом «Светланы» указал Н. Я. Берковский. Подробнее эта тема разработана В. М. Марковичем. См.: Маркович В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 63—87.

³ Вольперт Л. Е. Пушкин и Лашоссе // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979. С. 119—121.

⁴ Там же. С. 120.

дел? (Истинное происшествие)»⁵ и повесть Вл. Панаева «Отечское наказание. (Истинное происшествие)», также опубликованную в «Благонамеренном» (1819. Ч. 6).

Сюжетные мотивы, сближающие указанные произведения с повестью Пушкина, позволяют разделить все эти источники на две группы, соответственно разрабатывающие два основных мотива «Метели»: 1) подмена жениха и 2) узнавание супругов. К первой группе относятся все сюжеты о женихе-призраке, как фольклорные, так и литературные, ко второй — комедия Лашоссе, основной сюжетный мотив которой также восходит к древней фольклорной традиции.

Среди указанных литературных источников пушкинской повести хочу особо отметить повесть Владимира Панаева «Отечское наказание». На связь этой повести с «Метелью» впервые указал В. В. Гиппиус в своей известной работе «Повести Белкина» (1937).⁶

«Отечское наказание» начинается с моральной сентенции: «Дон Кихот Ломанхский был не последним искателем приключений: таких людей довольно и ныне (...) Как отказать себе в удовольствии быть если не главным действующим лицом, то по крайней мере участником какого-нибудь необыкновенного происшествия, например поединка, похищения девицы и т. п. Сколько материи для рассказов, сколько пищи для воспоминания!». Все это рассуждение непосредственно относится к герою повести — молодому Калисту. «Живость характера, раннее отлучение от дома, военная жизнь и чтение романов делали молодого Калиста человеком почти таких свойств».⁷ В своем полку он слыл повесою, и товарищи любили его за это. Однажды отец Калиста послал его в одну из своих дальних деревень по делу, но молодой человек страшно скучал там. Утром, стоя у окна, он увидел, как приближается к церкви свадебная процессия. Он спросил, кто невеста, и, узнав, что это дочь кузнеца Лизавета, которая слывет красавицей, «оставил трубку и пошел в церковь». Калист был поражен красотой юной невесты и, увидев, что жених, который был много моложе ее, почти мальчик, обратился к нему со словами: «„Уступи мне свою невесту: ты найдешь себе другую, я дам тебе на свадьбу”». Поп, свахи, дружки и поезжанные думали, что барин шутит, но они разуверились в том, когда Калист стал подле Лизы и приказал венчать себя. Священник хотел было сначала противиться, удер-

⁵ Благонамеренный. 1818. № 2. Упомянуто В. М. Марковичем (со ссылкой на В. Н. Турбина); *Маркович В. М.* «Повести Белкина» и литературный контекст. С. 72.

⁶ См. *Гиппиус В. В.* От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 7—44.

⁷ Благонамеренный. 1819. Ч. 6. Апр. № 8. С. 82, 83.

жать молодого господина от такого безрассудства, но строгое приказание повторено, и старик принужден был начать свое дело. Что ж Лиза? Она, обомлевши от страха, удивления, а может быть, избытка тайной радости, прошептала в свое время: да. Калист громко произнес то же: они были обвенчаны».⁸ На следующий день Калист одумался, испугался содеянного и в тот же день, покинув деревню, уехал в свой полк. Настало время войны и заграничных походов, и Калист возвратился домой только через пять лет. Между тем отец его узнал о злополучном браке сына. Он взял Лизу в свой дом, нанял ей гувернанток и учителей, благодаря чему она вскоре превратилась в настоящую светскую барышню. Вернувшийся из похода Калист, от которого отец все скрыл, встретив Лизу, влюбился в нее и захотел на ней жениться. Обратившись к отцу за благословением, он убедился, что отец знает о его тайном браке и не может дать согласия на новый. В этом и заключалось «отеческое наказание». Калист искренне раскаялся в своем прошлом поведении, все открылось ко всеобщему согласию и счастью.

Мы видим, что в повести В. Панаева присутствуют оба указанных выше мотива, составляющие сюжет «Метели»: подмена (или замена) жениха и узнавание супругов. «Отеческое наказание» и есть комбинация двух распространенных сюжетов.

Остановимся подробнее на одном из них — мотиве подмены жениха. И тут мы входим в область «литературоведческой археологии», по определению В. В. Дудкина. В своей статье «Дионисово действо в „Двенадцати“ Блока» исследователь высказал интересную мысль, имеющую, на наш взгляд, теоретическое и методологическое значение, а именно суждение о том, что многозначность и «многослойность» художественного текста позволяют при изучении его применять своего рода «литературоведческую археологию, где обнаружение чего-то нового не отменяет, а только дополняет общую картину, подобно тому как раскопки девятой Трои не перечеркивают факт наличия восьми других ранее обнаруженных слоев города».⁹ Применительно к «Метели» речь пойдет об источнике источника, который был известен автору (Пушкину), оказал какое-то воздействие на общую концепцию произведения, но был отвергнут.

В повести Панаева замена жениха убедительно мотивирована: Калист мог отнять Лизу у ее жениха и обвенчаться с нею, так как он барин, а первый жених — его крепостной. И тут мы обращаемся к источнику этого сюжета, очень хорошо извест-

⁸ Там же. С. 85—86.

⁹ Александр Блок и мировая культура: Сб. статей. Великий Новгород, 2000. С. 101.

ному в то время и неоднократно используемому русскими писателями в первую треть XIX в. Речь идет о восходящей к Тверской летописи «Повести о Тверском Отроче монастыре». Сюжет этот вошел в состав переведенной с немецкого статьи «Письмо путешествующего немца из Твери»,¹⁰ а затем обработан Сергеем Глинкой в «исторической русской повести» — «Григорий».¹¹ На этот же сюжет написана повесть Федора Глинки «Село Эдимово и Отрочь монастырь», которую автор включил в свои «Письма русского офицера...».¹² Этот же материал был использован кн. А. А. Шаховским в его пьесе «Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне» (1823), хотя Шаховской сильно изменил летописный сюжет, создав как бы вольную вариацию на традиционную тему. Позднее В. К. Кюхельбекер использовал сюжет Тверской летописи в поэме «Юрий и Ксения» (1832—1835), написанной уже в заточении.¹³

Пушкин не мог знать лишь поэму Кюхельбекера, хотя находящийся в заключении поэт и пытался передать ему свою рукопись. (Впрочем, она до него не дошла, да и написана позже пушкинской «Метели», так что никак не может быть отнесена к источникам этой повести). Остальные разработки этого сюжета могли быть ему известны. Особенно это относится к повести Федора Глинки, так как «Письма русского офицера...» были, конечно, широко читаемой книгой. Сюжет повести о «Тверском Отроче монастыре» состоит в том, что Тверской князь Ярослав подарил своему любимому «отроку», т. е. прислужнику, Григорию (или Юрию) село Эдимово. Там Юрий встретил Ксению, дочь деревенского священника, полюбил ее и решил на ней жениться. Но в момент свадьбы в церкви неожиданно появился князь Ярослав со своей свитой. Во время охоты сокол князя прилетел в Эдимово и сел на крест церкви, Ярослав, идя за соколом, попал на свадьбу своего отрока. Красота Ксении так поразила князя, что он приказал священнику обвенчать себя с нею, а Юрию велел удалиться. Отчаявшийся-

¹⁰ Вестник Европы. 1806. Ч. 25, № 3. С. 215—217.

¹¹ Русский вестник. 1808. Ч. 2. № 5.

¹² Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции; с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. Писаны Федором Глинкою. М., 1815. Ч. 1—7; М., 1816. Ч. 8. Повесть «Село Эдиманово и Отрочь монастырь» помещена в ч. 3 Писем... С. 29—49.

¹³ См. об этом обстоятельную работу Ю. Д. Левина «Поэма В. К. Кюхельбекера на сюжет „Повести о Тверском Отроче монастыре“» (Тр. Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26. С. 128—138).

ся Юрий скрылся в тверских лесах, где вел жизнь отшельника и где после смерти его над его могилой был воздвигнут Отрочь монастырь.

В сюжете Тверской повести, как и в «Отческом наказании» В. Панаева, мотив замены жениха лишен всякого фантастического или мистического элемента, который присутствовал в западном фольклорном сюжете о женихе-призраке. Мотивировка всего происшедшего — социальная: сюзерен отнимает невесту у своего вассала, пользуясь правом сильного.

Если у В. Панаева социальный аспект сюжета всячески смягчен (крепостной жених явно недостоин невесты, Лиза сама с радостью венчается с баринном, да и конец, как мы помним, вполне благополучный), то в повестях Сергея и особенно Федора Глинки тема несправедливого владыки играет существенную роль. Так, в повести С. Глинки «Григорий» кульминационная сцена в церкви очень эмоциональна и исполнена драматизма. Ярослав, увидев Ксению и пленившись ее красотой, «забыл своего друга и преклонил колено свое перед поселянкою». ¹⁴ Его предложение Ксении стать его женой потрясло жениха и невесту. «„Государь! Она моя невеста“, — сказал возмущенный Григорий. Трепещущая Ксения прижалась к жениху своему и тихо отвечала Ярославу: „Рука моя обещана Григорию, а сердце давно уже принадлежит ему!“. Отвергнутая любовь и презренная просьба возбуждают гнев в сердце, привыкшем властвовать; с негодованием встал Ярослав с земли, с гордостью велел исполнить волю свою». ¹⁵

Григорий и Ксения снова умоляют князя не лишать их счастья. Григорий закликает Ярослава их прежней дружбой. «Здесь, во святыхище Вышнего, ты хладным скипетром своим хочешь разлучить жениха с его невестою! Ах! отними лучше жизнь нашу! Неужели не страшишься ты и праведного гнева Небес? Там блеск венца не украсит преступлений и порфира не скроет кровавых пятен!». ¹⁶ Но Ярослав в ответ на это велит удалить Григория, и «бесчувственные рабы отторгают его от невесты; забыв святыню храма, свирепо влекут и повергают на хладную землю». ¹⁷ Священник, отец Ксении, вынужден обвенчать свою бесчувственную дочь с бывшим другом ее жениха. «Устрашенные поселяне друг за другом удалились из церкви, царедворцы окружили государя и с робостью смотрели ему в глаза, чтобы видеть волю его». ¹⁸

¹⁴ Русский вестник. 1808. Ч. 2. № 5. С. 146.

¹⁵ Там же. С. 147.

¹⁶ Там же. С. 148.

¹⁷ Там же. С. 149.

¹⁸ Там же. С. 156.

В повести Федора Глинки мотив социального обличения усилен. Герой обращается к князю Ярославу с длинным монологом, в котором звучат тираноборческие декабристские ноты: «Как! <...> ты отнимаешь у меня невесту, супругу, жизнь мою! Какою властью? По какому праву? Да, ты государь: в руках твоих жизнь и смерть твоих подданных; но государь есть отец, покровитель, защитник своего народа <...> Но ты не государь, ибо попираешь правосудие ногами и перед всеми являешь себя рабом твоих страстей! Ты не друг, ибо дружба дар неба для убогих и несчастных, не может быть уделом царей: ты только грозный владыка, притеснитель!.. Ты привык считать себя в венце земным богом. Раболепие с трепетом лобзает прах ног твоих, а ты играешь судьбою подданных по дерзкой воле твоих страстей!.. О государь! Ты ослеплен самовластием! Опомнись!» и так далее.¹⁹

Если Пушкин в своей «Метели» использовал повесть Панаева «Отеческое наказание», что вполне вероятно (близость сюжетных ходов и сходство главных героев — Калиста и Бурмина — это подтверждают), то он несомненно догадывался о ее источниках и социальной мотивировке происшедшего. Но Пушкин эту мотивировку отверг, возможно, отчасти еще и потому, что высокий перефразистичный стиль исторических повестей С. Глинки и Ф. Глинки становится в это время объектом иронического протеста Пушкина-прозаика.

У Пушкина подмененный жених — Бурмин и есть настоящий суженый Марьи Гавриловны, человек, предназначенный ей судьбой. Он ровня ей по состоянию и положению в обществе, он вызывает в ней серьезное чувство, так как предстает человеком опытным, умным, много пережившим, давно отказавшимся от былого повесничества и способным на глубокое раскаяние в своей прежней «шалости».

Пушкин, как известно, верил в судьбу. И сюжет «Метели» призван был продемонстрировать старую мудрость, что от судьбы не уйдешь, что суженого конем не объедешь и т. п. Вспомним, что в тексте повести подобные нравственные сентенции изрекают родители и соседи Марьи Гавриловны, имея в виду ее брак с Владимиром. Пушкин же иронически замечает по этому поводу: «Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание» (II, VIII, 82). На самом деле и «судьба» Марьи Гавриловны и ее «суженый» это не Владимир, а Бурмин.

Что касается темы социального неравенства, то она сохранена в повести, но перенесена в первую часть. Неравенство бо-

¹⁹ Письма русского офицера... Ч. 3. С. 36—37.

гатов Марьи Гавриловны и бедного Владимира, препятствование родителей их взаимному счастью, решение тайно бежать из дома и тайно обвенчаться — все это распространенные мотивы, я бы сказала, клише или готовые «строительные блоки», использованные в многочисленных сентиментальных и предромантических повестях.²⁰ И начитавшись такой литературы, Марья Гавриловна решила соответственно ей строить свою жизнь. Об этом не раз писали исследователи пушкинских повестей, подчеркивая иронический характер их повествования.²¹ Но Бог и судьба миловали Марью Гавриловну. Ее выдуманный, головной роман не состоялся, а судьба даровала ей встречу с подлинным, а не придуманным суженым.

Отвергнув социальную мотивировку замены жениха, но сохранив сам этот мотив, Пушкин не избежал сюжетных и психологических натяжек. Эти натяжки или неправдоподобия были отмечены современной ему критикой. Ф. В. Булгарин, рецензируя «Повести Белкина» в «Северной пчеле», отметил несообразности сюжета «Метели»: «Кто согласится жениться мимоездом, не зная на ком? Как невеста не могла разглядеть своего жениха под венцом? Как свидетели его не узнали? Как священник ошибся? Но таких *как* можно поставить тысячи при чтении „Метели”».²²

В. В. Гиппиус, приведя этот отзыв Булгарина и другие, ему подобные, считал тем не менее, что Пушкин нарочно допустил эти натяжки, так как он сознательно пародировал сюжеты авантурных повестей.²³ Во всех «Повестях Белкина» В. В. Гиппиус, как известно, усматривал «разоблачение литературных шаблонов»,²⁴ что, в принципе, верно. Однако не видим ли мы в кульминационном эпизоде «Метели» — эпизоде подмены жениха — рудимента старого прасюжета, связанного с темой насильственного отнятия невесты?

²⁰ См. комбинацию указанных мотивов в повестях Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь», К. Н. Батюшкова «Предслава и Добрыня», Н. С. Арцибашева «Рогнеда, или Разорение Полоцка», Г. Н. Каменева «Инна», А. Н. Бестужева «Роман и Ольга», Г. Кругликова «Колокол жизни», упоминавшейся уже повести «Кто бы это предвидел?» и др. Некоторые из этих сюжетов рассмотрены в работе немецкого исследователя Вольфа Шмида «Невезучий жених и ветреные суженые: Подтексты и развертывающиеся речевые клише в „Метели”» (см.: *Шмид В.* Проза как поэзия: Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. СПб., 1998. С. 61—88).

²¹ См. указанные выше работы В. В. Гиппиуса, Н. Я. Берковского, В. М. Марковича, В. Шмида, а также статью В. Э. Вацура «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (*Вацура В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 29—48).

²² Северная пчела. 1834. 27 авг. № 192.

²³ См.: *Гиппиус В. В.* От Пушкина до Блока. С. 35—37.

²⁴ Там же. С. 36.

Вопрос о литературных источниках имеет огромное принципиальное значение при анализе художественного текста. Литература рождается из литературы. Писатель развивает достижения своих предшественников, или спорит с ними, или отталивается от наработанных ранее приемов.

Используя уже не раз встречавшийся литературный сюжет, ставший стереотипным, или стереотипный сюжетный мотив, писатель или повторяет его — так поступают эпигоны, или по-своему его изменяет, вносит свою оригинальную трактовку.

Исследователь художественного текста находит этот стереотипный сюжет или — в результате «археологических раскопок» — отвергнутый автором прасюжет. Это помогает понять, с чем исследуемый писатель сознательно спорит, чему противопоставляет свою точку зрения и в чем новизна этой точки зрения, этого иного подхода к материалу.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

PRO MEMORIA

Памяти
академика **ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА**
ФРИДЛЕНДЕРА
(1915–1995)

Санкт-Петербург
«Наука»
2003